

№ 52.

1906.

ПРВЛЪ.

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪБЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМЪ И
НЕ БРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБЪХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

ТРОШКІЙ СОВѢЩАНИКЪ ДЛА ПРАВОСЛАВНОИ ШКОЛИ И СЕМЛИ.

„БОЖІА НИВА“

въ 1906 году

въ Божіей помощи продолжается по той же программѣ и на тѣхъ же основа-
ніяхъ, какъ и въ прошедшемъ году.

По принятому порядку и въ настоящемъ 1906 году мы дадимъ 12 №№
БОЖІЕЙ НИВЫ и 12 книжекъ **ЗЕРНЫШЕКЪ** для дѣтскаго чтенія, изъ
оихъ каждая представляетъ какъ-бы маленькій назидательный сбор-
никъ. Цѣна журнала съ приложениями остается прежнею 1 рубль
въ годъ съ пересылкою. **Наложнымъ платежемъ журналъ не высылается.**

Подписка въ текущемъ году продолжается. Новые подписчики
олучать всѣ вышедшіе номера, начиная съ 49-го, за 1 р. Первый,
второй, третий и четвертый томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12—1902 г.; 13—

24—1903 г.; 25—36—1904 г.; 37—48—1905 г.) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к. каждый, въ папкѣ по 1 р. 25 к., а въ коленкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получить по 5 к. книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылается 20 книжекъ. Съ прошлаго года въ редакціи имѣются годовые томики **ЗЕРНЫШЕКЪ** въ коленкоровыхъ переплетахъ съ общимъ счетомъ страницъ, которыя можно приобрѣтать по 80 к. безъ пересылки и по 1 р. съ пересылкою.

Подписка на журналъ принимается *только* въ Редакціи.

Желающіе подписываться чрезъ книжные магазины должны предупреждать о доставкѣ въ Редакцію полной подписной стоимости журнала (1 р.).

Подписка на полгода и на отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Журналъ „БОЖІЯ НИВА“ одобренъ Училищнымъ Советомъ при Святейшемъ Синодѣ для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.

Епархіальные училищные советы могутъ вносить „БОЖІЮ НИВУ“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго, при Св. Синодѣ, Совета за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

ИЗЪ ЗОЛОТОЙ ПОРЫ ДѢТСТВА.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!..

Что за чудная сила этихъ двухъ словъ!.. Какимъ небеснымъ, райскимъ чувствомъ объемлется въ рующее сердце отъ этихъ священныхъ звуковъ!.. Съ какимъ нетерпѣніемъ, бывало, въ дѣтствѣ ждешь Свѣтлаго Христова праздника! Съ какимъ восторгомъ идешь въ церковь подъ покровомъ таинственной святой ночи Воскресенія!..

Дорогіе читатели! Правду сказалъ одинъ святитель, что мы, люди взрослые, въ такіе дни, какъ Пасха, Рождество Христово и др. великіе Христіанскіе праздники, въ отношеніи религіознаго чувства живемъ больше воспоминаніями дѣтства, чѣмъ современной дѣйствительностью. Сердце очерствѣло, душа измучена, всего такъ и тянетъ къ землѣ, чувствуешь себя неспособнымъ къ великимъ святымъ возвышеннымъ чувствамъ, но духъ

тоскуетъ о потерянномъ блаженствѣ юныхъ дней и вотъ, въ великіе праздники пробуждаются въ душѣ святыя воспоминанія, душа прислушивается къ милымъ звукамъ той дивной мелодіи, какая раздавалась въ ней давно-давно, въ минувшую золотую пору дѣтства, и счастливъ тотъ, кто имѣлъ такое дѣтство, такія святыя впечатлѣнія, которыя потомъ и во дни глубокой старости будутъ снова и снова оживать въ немъ, освѣжать его духовное существо, давая возможность снова въ нѣкоторой степени переживать лучшія святыя минуты невинныхъ восторговъ души...

Слава Воскресшему Господу, что пишущій эти строки имѣлъ это великое счастье. Медленно идетъ, бывало, святой постъ. Печально звучитъ небольшой колоколь роднаго храма, рѣдкими ударами призывая вѣрую-

щихъ—то къ часамъ, то къ вечернѣ. Спѣшишь, бывало, туда, чтобъ принять участіе въ пѣніи и чтеніи на родномъ клиросѣ, листуешь старую, съ запламами постную Тріодь и впередъ заглядываешь въ ней старинныя, 17-го вѣка заставицы... Вотъ предъ службою въ субботу акаѳиста красуется изображеніе Пренепорочной Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; вотъ въ субботу Ваій вечера сей Младенецъ уже изображенъ въ совершенномъ возрастѣ, въ царственномъ видѣ, благословляющимъ читателя, вотъ въ Великій четвертокъ Онъ трапезуетъ на Тайной Вечери съ Своими учениками, а чрезъ нѣсколько листовъ уже—изображенъ распятымъ на крестѣ, еще чрезъ нѣсколько—уже полагаемымъ во гробъ... И высчитываешь, бывало, сколько дней остается до этихъ священныхъ воспоминаній. Время идетъ. Уже отпраздновали Благовѣщеніе. Сколько народа было въ церкви!.. И душно, и тѣсно, и жарко... И каждый-то вынималъ себѣ просфорочку, которую потомъ раскрошить, высушить, размелеть, смѣшаетъ съ сѣменами и посѣетъ на своей полоскѣ чрезъ двѣ-три недѣльки... Недѣля ваій. Вербочка... Какъ много говорила тогда дѣтскому сердцу эта невинная темно-красенькая вѣточка съ бѣленькими цвѣточками, какъ, бывало, любишь ея!.. И бережно несешь ее домой, чтобъ поставить къ св. иконамъ, а когда будутъ выгонять скотинку въ поле, коснуться ею „для здоровья“ и овечекъ, и коровки и лошадки, послѣ чего—посадить ее на родной могилкѣ дѣдушки или бабушки... Сколько во всемъ этомъ поэзіи, вѣры, дѣтски-простого наивнаго общенія и съ Богомъ и съ природою!

Великій понедѣльникъ, великій вторникъ, великая среда... Именно—великіе

и по строгости поста,—бывало выпить чашку чаю считаешь за грѣхъ,—одно „сухояденіе“,—и по продолжительности службы, и по величію Евангельскихъ событій, тогда воспоминаемыхъ. Священникъ - старичекъ выстаиваетъ по шести-семи часовъ, вычитывая неспѣшно святыхъ Евангелистовъ сполна, и сладостный миръ навѣваютъ глаголы живота вѣчнаго на юную душу и рисуются въ дѣтскомъ воображеніи святыя образы Евангельскихъ лицъ и событій около Христа... А въ промежутокъ службъ—помогаешь, бывало, родителю чистить подсвѣчники, ризы на иконахъ, св. плащаницу... Весь день проходитъ въ церкви. Усталый, но полный мира и тихой радости вернешься домой. Въ Великій четвертокъ причастишься св. Таинъ Господнихъ. Какой радостью небесной полна бывала тогда юная душа!

Великій пятокъ. Двѣнадцать евангелій. Часы, вечерня. Во всѣхъ этихъ Богослуженіяхъ принимаешь самое живое участіе: поешь, читаешь, выносишь подсвѣчники... Съ какимъ умиленіемъ смотришь на ликъ Господа, почивающаго во гробѣ, съ какимъ благоговѣніемъ къ Нему прикладываешься!

И помилуй Богъ, бывало, до захода денія солнца взять въ ротъ хотя бы крошку чернаго хлѣба. Ослабѣешь, шатаешься отъ усталости, голосъ какъ-то осипнетъ, но примѣръ родителей, примѣръ батюшки-священника, всю седмицу *ничего* не вкушающаго (объ этомъ намъ говорили родители съ какимъ-то благоговѣніемъ предъ священникомъ)—эти живые примѣры, а главное—строгая заповѣдь, начертанная на закоптѣвшихъ отъ древности страницахъ Постной Тріоди—все это ободряло насъ въ подвигѣ, давало силы выдерживать постъ до конца.

Великая суббота, трогательныя надгробныя пѣсни, чудный по напѣву, глубокотрогательный по содержанію, канонъ: *Волною морскою...* Конечно, слова остаются мало доступными пониманію, но сердце-то чувствуетъ ихъ силу, глубоко воспринимаетъ ихъ поэзію какъ-то *помимо* ума, подобно музыкѣ безъ словъ, а острая дѣтская память легко усваиваетъ и непонятныя слова, слагая ихъ въ своей сокровищницѣ до того времени, когда окрѣпшій въ развитіи умъ освѣтитъ сознаниемъ всю дивную красоту этой поэзіи, всю поразительную глубину ихъ внутренняго содержанія...

Кончился канонъ. Пропѣли столь трогательное душу: *Нерыдай Мене Мати*. Унесли св. Плащаницу на престолъ. Пропѣли и славословіе. И вотъ, открывается торжественная, скорбно-умилительная процессія погребенія Христа. Въ утреннемъ полумракѣ крестный ходъ идетъ вокругъ церкви и—съ какимъ, бывало, благоговѣйнымъ трепетомъ поешь эту краткую, но полную силы ангельскую пѣснь: *Святый Боже!*... Какъ бережно несешь свою свѣчку, опасаясь, чтобъ она не погасла!

Вечерня. Пятнадцать паремій. Никому я не уступалъ чтенія этихъ паремій. Самъ пѣлъ, какъ умѣлъ: *Славно бо прославися,—Господа пойте,—Воскресни, Боже*. Нарочито, бывало, дома заучишь при помощи родителя эти напѣвы по старому обиходу.

Чуднымъ миромъ вѣяло навечеріе Свѣтлаго дня. Казалось, вся неодушевленная природа готовилась къ великому торжеству. Рѣчка спѣшила сбросить съ себя ледяной покровъ, на проталинкахъ иногда показывались первые признаки нѣжной зелени, въ вышинѣ пѣлъ свою радостную, привѣтную веснѣ, пѣсенку невидимый

жаворонокъ... Наступаетъ, наконецъ, великая, столь давно сердцемъ ожидаемая, ночь Христова Воскресенія. Ночь всегда темная, всегда тихая, всегда таинственная. Храмъ полонъ благоуханія; полъ устланъ душистымъ можжевеловымъ, среди храма стоитъ чугунная жаровня съ горящими углями, на коихъ курится ладонъ. Въ полумракѣ слышится чтеніе Дѣяній Апостольскихъ. Читаютъ грамотныя крестьяне, принимаемъ участіе и мы, дѣти-школьники. Народъ отовсюду подходитъ къ родному храму. Зажигаются—разъ въ годъ, какъ особая роскошь—плоски на колокольнѣ, на оквахъ храма и на каменныхъ столбахъ церковной ограды вокругъ всего храма. Для насъ, дѣтей, это—цѣлое событіе. Сердце радостно стучитъ при мысли: вотъ вотъ сейчасъ начнется... Вотъ уже ударили въ „большой, и какой есть, колоколъ“. Вотъ уже пропѣли *Волною морскою*. Торжественно выходитъ крестный ходъ. Медленнымъ, тихимъ, благоговѣйнымъ напѣвомъ поемъ мы: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси...* И невольно обращаешь взоръ туда, къ тихому звѣздному небу, и чувствуетъ сердце, какъ Ангелы славятъ на небѣ Воскресшаго. А здѣсь, на землѣ, мы грѣшныя готовы единымъ сердцемъ и усты сейчасъ же воспѣть Ему, нашему Господу, пѣснь Воскресенія.

Неспѣшно движется крестный ходъ вокругъ храма. Плавно колеблются священныя хоругви. Вотъ остановились у паперти церковной. Умолкъ звонъ колоколовъ. Тихо мерцаютъ свѣчки въ рукахъ молящихся. Священникъ торжественно-пѣвуче возглашаетъ: *Слава Святый!*... и раздается столь желанное, душу восторгающее, сердце потрясающее *Христосъ воскресъ...* Слезы, сладкія, святыя слезы любви.

къ Господу Воскресшему, слезы умиленія, восторга, чистой, святой радости брызжутъ изъ глазъ. О, эти святыя слезы!.. При одномъ воспоминаніи о нихъ я плачу... Плачу о себѣ, что не умѣю такъ *теперь* плакать, какъ плакалъ тогда...

Кто изъ православныхъ не ликовалъ духомъ въ свѣтлую утренью? Какая земная радость можетъ сравниться съ этою поистинѣ райскою радостью? Въ эти часы небо сходится на землю, земля становится небомъ и вѣкъ бы не ушолъ изъ этого, полнаго свѣта и благоуханія храма Божія, вѣкъ бы пѣлъ, ликовалъ и молился Воскресшему! И мы, дѣти, пѣли, пѣли такъ усердно, такъ вдохновенно, такъ восторженно, какъ не пропѣтъ никогда никакому гениальному пѣвцу, хотя наше пѣніе и не было, конечно, такъ художественно... Съ своими отцами мы выходили на катавасію и тщательно высчитывали: сколько разъ еще надобно пропѣтъ тотъ или другой тропарь канона, чтобъ не опустить какънибудь, чтобъ ни на минуту не сократить столь радостной службы. А батюшка съ дьякономъ, оба сіяющіе отъ неземной радости, мѣняя для большей торжественности, на каждой пѣсни канона, облаченія, батюшка — съ крестомъ и трикиріемъ въ одной, съ кадиломъ въ другой рукѣ, а дьяконъ — съ большою свѣчею, быстро ходятъ по храму, повторяя привѣтъ Ангела-благовѣстника: *Христосъ воскресе...* И шумомъ водъ многихъ несетъ имъ въ отвѣтъ восторженное: *воистину воскресе...*

Въ концѣ утрени — христосованіе. Если въ городахъ этотъ обрядъ трогателенъ, то въ сельской церкви онъ умиляетъ до слезъ. Какъ все просто, породному, какъ чинно и вмѣстѣ искренне-радушно!.. Намъ, дѣтямъ, давали порученіе отцы: стоять позади ихъ

съ кошницами для яицъ, съ которыми, по хрістіанскому обычаю, подходили къ нимъ для святаго лобзанія прихожане. И много-много мы приносили домой этихъ красненькихъ, желтенькихъ, синенькихъ, даже мраморныхъ символовъ воскресенія.

Торжественно, неспѣшно совершалась литургія. Батюшка читалъ Евангеліе „кіевскимъ“ напѣвомъ, а дьяконъ — обычнымъ. Послѣ обѣдни освящались „пасхи“, и православные расходились по домамъ, полные мира и свѣтлой радости о Воскресшемъ Спасителѣ. И сладко было разговѣться пасхою, которую такъ вкусно всегда приготавливала покойная матушка...

Свѣтло было на душѣ въ эти дни. Рано утромъ, съ ударомъ въ колоколь, спѣшили мы въ церковь, чтобъ принять участіе въ сладостныхъ пѣснопѣніяхъ пасхальной службы; весь день проводили — или на вольномъ воздухѣ, рѣзваясь, играя, радуясь со всякой Божіей тварью наступающей веснѣ, или же — въ приходѣ, славя Воскресшаго съ своими отцами. То, что теперь ставится если не въ вину, то какъ бы въ униженіе для духовенства, хожденіе съ святынею по приходу, въ тѣ времена было не только обычнымъ явленіемъ, но и святымъ дѣломъ: радушно встрѣчали крестьяне священника съ причтомъ, благоговѣйно принимали святыя иконы, весело переходили мы изъ дома въ домъ и любовались на праздничное убранство деревенскихъ хатъ: въ переднемъ углу горитъ лампадка, а въ зажиточныхъ семьяхъ иногда цѣлый десятокъ; потолокъ украшенъ соломённымъ узоромъ съ разноцвѣтными бумажками или кусочками ситца, стѣны покрыты лубочными новенькими картинами, все больше изъ житій святыхъ; все прибрано, все

выглядитъ такъ чисто, уютно, по праздничному. Семья хозяина одѣта въ лучшія одежды, у всѣхъ такія радостныя, сіяющія лица.—По обходѣ деревни съ иконами служится общій молебень въ полѣ, иногда съ водосвятиемъ, и предлагается причту угощеніе—обѣдъ. Тѣхъ некрасивыхъ явленій, которыя теперь служатъ причиною къ укоризнамъ старому обычаю, тогда какъ-то не замѣчалось. Поселяне ждали и встрѣчали святыню и служителей Церкви съ подобающею честью.

Такъ проходили святые дни. Въ субботу дѣлалась торжественная „встрѣча“ иконъ, возвращающихся изъ прихода. Изъ церкви поднимали другія иконы и хоругви, выносили въ поле; тамъ, при встрѣчѣ съ иконами, прибывшими изъ прихода, служился молебень. При торжественномъ звонѣ вся процессія возвращалась въ церковь.

Кстати о звонѣ. Во всю Святую недѣлю принято звонить въ продолженіе всего дня. Сколько утѣшенія доставляло это намъ, дѣтямъ!.. Не „кутейники“ только, но и всѣ дѣти, со всего села, даже дѣвочки, забирались на колокольню, и тамъ звонили звонили до усталости. Не думайте, чтобъ это былъ ужъ такой беспорядокъ

дочный звонъ, отъ коего пришлось бы бѣжать или уши затыкать: нѣтъ, тутъ какой-нибудь добрый старикъ-сторожъ церковный или любитель звона являлся руководителемъ нашимъ, училъ насъ звонить. Помню, мы умѣли даже звонить какъ бы по нотамъ, разыгрывая на колоколахъ *Христосъ воскресъ.....*

Золотые, невозвратно ушедшіе дни!.. Какъ сладко вспомнить ихъ!.. Какъ жаль бываетъ, когда согласишься на нынѣшнихъ дѣтей, неимѣющихъ такихъ дѣтскихъ золотыхъ дней! Что они вспоминаютъ, чѣмъ утѣшатся подъ старость? *Мимо* ихъ проходитъ эта поэзія церковной жизни, не знаютъ они ея восторговъ, не вѣдаютъ, что такое *Пасха* для ребенка-христіанина, что она—для его будущаго и какого сокровища лишается онъ на тѣ тяжелые дни, когда беспомощно будетъ голова склоняться долу отъ житейскихъ невзгодъ, когда душа томительно запроситъ благодатной помощи, когда не миль станетъ бѣлый свѣтъ и вся отрада будетъ—въ вѣрѣ и свѣтлыхъ воспоминаніяхъ далекаго прошлаго.....

Нѣконъ Епископъ Серпуховскій.

Б О П І Ю Ш Е С Я О

„Въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой“ (Быт. 3, 19).

Богъ заповѣдалъ человѣку трудомъ добывать себѣ хлѣбъ. Но нынѣ, можно сказать, большинствомъ заповѣдь Господня забыта. Кто не знаетъ, насколько за послѣднее время въ жизни перепутались понятія о *своей* и *чужой* собственности? Загляните въ судебное присутствіе—и вы

увидите, какъ часто тамъ разбираются дѣла о кражахъ.—

Человѣкъ—вѣнецъ творенія, но нравственная природа его иногда настолько сильно портится, что онъ начинаетъ во многихъ случаяхъ уподобляться хищному звѣрю. На самомъ дѣлѣ, вдумаемся поглубже въ фактъ похи-

щенія челоуѣкомъ у челоуѣка трудовой собственности. Съ нравственной точки зрѣнія, что это за явленіе? Каждый скажетъ, что это звѣрство. Трудолюбивый челоуѣкъ скопилъ себѣ нѣкоторое достояніе, но у него его расхищаютъ. И кто же? Свой же собратъ. По какому праву? Да потому, что хищникъ, по степенію различныхъ обстоятельствъ, дошелъ до безразличія понятій о своей и чужой собственности. Логика въ высшей степени странная. Положимъ я бѣденъ, не имѣю ни крова, ни куска хлѣба, но чѣмъ виновать въ томъ мой ближній!? Правда, мое бѣдственное положеніе, по требованію нравственнаго закона, должно вызывать у ближнихъ чувство состраданія, даже можетъ обязывать ихъ на посильную матеріальную помощь. И только. Но никакъ уже нельзя доказать, что мой сосѣдъ для поддержанія моего благосостоянія обязанъ лишаться извѣстной части или всего имущества. Нѣтъ, право сильнаго, право кулака никакими соображеніями оправдать нельзя.

Итакъ, нарушение закона о своей и чужой собственности—безусловно вопіющее зло. Всякая ненормальность въ мірѣ не терпима, а потому должно быть изгнано и нарушение въ жизни правъ о своей и чужой собственности. Теперь если необходимъ походъ противъ указанного зла, то какъ это сдѣлать? Очень просто. Взрослое поколѣніе ушло уже изъ положенія ученика, а потому оно не должно подлежать нашей опекаѣ. Да и потомъ, какъ говорятъ: „горбатаго исправить могила“. Но молодое поколѣніе—дѣти еще въ нашемъ распоряженіи. Такъ будемъ же имѣть въ виду при дальнѣйшихъ сужденіяхъ „малыхъ сихъ“.

Прежде всего остановимъ свое вни-

маніе на небрежномъ отношеніи дѣтей къ своей собственности.

— Петръ Степанычъ!

— Что скажешь, Сидоровъ?

— У меня задачникъ кто то укралъ, заявилъ мальчикъ учителю.

— Какъ укралъ!?

— Я въ партѣ его оставилъ, а самъ пошелъ въ садъ погулять, прихожу въ классъ, а его уже нѣтъ.

— Врешь ты, Сидоровъ, самъ учебникъ гдѣ нибудь потерялъ, а въ оправданіе свое всю вину сваливаешь на какого то вора.

— Я не терялъ, протянулъ мальчикъ.

— А на задачникѣ фамилія твоя помѣчена?

— Нѣтъ, я по крышкамъ его знаю. У него рубашка желтая, корешокъ черный, а уголокъ одинъ не много запачканъ.

Учитель отперъ книжный шкафъ и подаль на пробу для осмотра Сидорову школьный задачникъ.

— Нѣтъ, Петръ Степанычъ, этотъ не мой, у моего вотъ тутъ запачкано, показывая рукой на уголокъ книги, сказалъ ученикъ.

Вотъ этотъ не твой ли? спросилъ учитель, подавая второй экземпляръ, который недавно только Петръ Степанычъ, найдя въ саду, убралъ въ шкафъ.

— Этотъ мой.

— Твой, такъ возьми, не сдѣлавъ небрежному ученику никакого замѣчанія, произнесъ нехотя учитель.

— Еще фактъ.

— Мионовъ! у тебя шинель пропала? спросилъ маленькаго гимназиста товарищъ.

— Да, пропала. Вотъ здѣсь все ви-сѣла, а дня два уже не вижу ея.

— Какъ же тебѣ теперь быть?

— Стоитъ объ этомъ много думать, папа пріѣдетъ, новую купить, хладнокровно отвѣтилъ мальчикъ.

Вотъ каковы факты изъ школьной жизни. И подобное, надо сказать, постоянно повторяется въ нашихъ школахъ. Жаль только, что таковыя явленія принято считать у насъ маловажными. На самомъ же дѣлѣ все это заслуживаетъ серьезной вдумчивости.

Ученикъ потерялъ задачникъ, но въ своей оплошности не сознается. Не принимая мѣръ къ отысканію потеряннаго задачника, мальчикъ начинаетъ сваливать всю вину на предполагаемаго вора. Ребенокъ ни тѣни не допускаетъ оплошности съ своей стороны. Себя онъ съ полною увѣренностію считаетъ невиноватымъ въ своемъ горѣ, а въ этомъ то именно и вся суть заключается. Нынѣ мальчикъ не поскорбѣлъ о потерянномъ грошевомъ перѣ, завтра не нашелъ нужнымъ отыскать пропавшую книгу, на третій день позволилъ себѣ цѣлый день проходить безъ фуражки, которая куда то улетучилась съ вѣшалки. Въ жизни ребенка можетъ набраться цѣлый рядъ фактовъ пренебрежительнаго отношенія къ своему дѣтскому имуществу, а въ концѣ концовъ у ребенка уже является привычка вообще не дорожить своею собственностію.

Но каковы бы ни были недостатки у дѣтей, сами они за свои плохія наклонности мало еще отвѣтственны. Вся вина за дѣтскую испорченность должна лежать на ихъ воспитателяхъ. Въ данномъ случаѣ ученикъ обнаружилъ небрежность въ храненіи своихъ учебниковъ. Но что предпринялъ учитель по поводу обнаружившейся дѣтской оплошности? Ровно ничего. Сохранивъ въ шкафѣ задачникъ ученика, онъ ему не сдѣлалъ ни внушенія, ни разъясненія. Такое безучастное отношеніе учителя къ дѣтской оплошности заслуживаетъ сильнаго порицанія. Учителя обыкновенно жалуются на недо-

статокъ времени. Вѣрно, нашъ народный учитель не располагаетъ временемемъ. Но сказать два, три вразумительныхъ слова провинившемуся ребенку не составило бы уже особеннаго труда для учителя и не отняло бы такъ много времени.

Мироновъ, потерявъ шинель, утѣшаетъ себя тѣмъ, что родитель новую купитъ. Слово нѣтъ, папа все сдѣлаетъ для своего сына, онъ человекъ со средствами. Но дѣло не въ томъ. Все зло въ наклонности ребенка къ пренебреженію своею собственностію.

Мироновъ еще ребенокъ, а онъ уже съ сознаніемъ правоты швыряется своимъ имуществомъ. Вотъ подобная убѣжденность-то въ дѣланіи плохого и противна въ дѣтяхъ.

Непростительный грѣхъ приучать дѣтей не дорожить своею собственностію, грѣшно и всѣмъ взрослымъ, имѣющимъ то или другое отношеніе къ малюткамъ, небрежно относиться къ своему имуществу. Но у насъ въ обыкновеніе вошло небрежное отношеніе къ своей собственности. Мало того, что часто люди сами негледжоры въ указанномъ смыслѣ, многіе, при слабости укрѣпленія въ сознаніи понятія о своей собственности, всѣхъ, оберегающихъ свое добро, зло осмѣиваютъ, называютъ скрягами.

И это такъ должно и быть, потому что большинство русскихъ людей относительно своей собственности такъ именно и воспитано.

Къ сожалѣнію нужно сознаться, невоспитанностію въ указанномъ смыслѣ страдаютъ многіе отцы и матери; не чужды того же самаго многіе и изъ народныхъ учителей. А между тѣмъ указаннымъ лицамъ положительно необходимо быть аккуратными въ береженіи своего имущества. Вѣдь воспитывать дѣтей слѣдуетъ примѣромъ.

Особенно учащимъ нужно строго слѣдить за собою. Что допустимо въ обществѣ взрослыхъ, то часто положительно невозможно въ школѣ, гдѣ васъ окружаетъ толпа довѣрчивыхъ и впечатлительныхъ малютокъ.

Жизнь дитяти у насъ не пользуется особеннымъ вниманіемъ, а между тѣмъ, что можетъ быть цѣннѣе дитяти съ его несложною жизнью? Въ дѣтяхъ вся наша будущность. Мы возмущаемся въ жизни нарушеніемъ правъ чужой собственности. Кѣмъ эта ненормальность создается? Человѣкомъ, тѣмъ человѣкомъ, который когда то былъ глупымъ ребенкомъ, тѣмъ существомъ, которое когда то росло и крѣпло безъ надлежащаго надзора, прямѣе сказать—безъ здороваго воспитанія. Давно вѣдь дознано, что всѣ привычки, всѣ наклонности начинаются у человѣка въ раннемъ дѣтствѣ. Кто не знаетъ изъ учителей, какъ часто приходится слышать въ школѣ жалобы на кражу карандашей, перьевъ, булокъ изъ кармановъ и т. п! Только обыкновенно у насъ на подобныя явленія мало обращаютъ вниманія. Большинство учителей, особенно малоопытныхъ прямо таки считаетъ напрасной тратой времени подобныя разбирательства. А между тѣмъ кража карандашей, перьевъ есть ни что иное, какъ первые проблески тѣхъ неприглядныхъ явленій, которыя принято у насъ подводить подъ общее понятіе воровства. Все имѣетъ постепенность, все имѣетъ свою исторію. Такъ и страсть къ хищничеству. Въ школѣ ребенокъ таскаетъ перья, карандаши, въ семьѣ—гроши, а на поселкѣ онъ уже похищаетъ яблоки изъ садовъ, овощи съ огородовъ. Вотъ фактъ для иллюстраціи сказаннаго.

Въ с. М.—хъ зимой 1905 г. на улицѣ нашли убитымъ молодого парня.

Все населеніе встрепнулось. Каждый желалъ знать, кто виновникъ такой кончины Ив. С.—на. Но выяснить данный вопросъ не удавалось. Одно только всѣ твердили, что Ив. С. довело до такой кончины баловство. Дѣйствительно, погибшій нѣсколько разъ былъ судимъ за кражу. И, можетъ быть, потерялъ жизнь свою на привычномъ занятіи. Все это въ порядкѣ вещей. Какъ говорится: „повадилося кувшинъ поводу ходить, тамъ ему и голову сломить“. Дѣло въ томъ, что Ив. С.—нъ до виднаго, иначе сказать, до вреднаго хищника дошелъ постепенно. Въ первый разъ онъ стащилъ, какъ передавали односельчане, на ярмаркѣ грошевую куколку, а потомъ болѣе въ зрѣломъ возрастѣ попадался уже въ серьезномъ воровствѣ.

Въ первый разъ, какъ сказано, С.—нъ укралъ куколку. Ну что, подумаешь, особеннаго въ томъ, что ребенокъ взялъ тайно у продавца ничтожную игрушку? Особеннаго въ этомъ, какъ будто ничего нѣтъ. Во всякомъ случаѣ въ первый разъ мальчикъ бралъ чужую вещь безъ задней мысли. Ребенку поправились куколка, онъ ее и взялъ. А между тѣмъ въ первомъ смѣломъ шагѣ заключалась вся суть дѣла. Вся бѣда была въ томъ, что, стащивъ игрушку, онъ не услышалъ соотвѣтствующаго замѣчанія, а не получивъ разъясненія, что чужія вещи брать нельзя, онъ позволилъ себѣ повторить подобную выходку, а тамъ естественно явилась уже привычка брать чужое.

Если же хищническія наклонности дѣтей при постепенномъ развитіи могутъ приводить послѣднихъ къ плачевнымъ результатамъ, то какъ же оберегать малютокъ отъ воровства? Прежде всего не слѣдуетъ подавать поводовъ къ хищничеству, не бросать въ школахъ карандашей, перьевъ и

т. п., приучать малютокъ до довольствоваться тѣми учебниками и писчими принадлежностями, которыя даны имъ на руки. Но самое главное, необходимо развивать въ дѣтяхъ, при воспитаніи откровенности, твердое сознаніе, что грѣшно брать чужія вещи и при этомъ нужно напоминать дѣтямъ, какъ тяжело людямъ лишаться своего добра, лишаться того имущества, которое добыто потомъ и кровію. Если вы нарисуете одну, двѣ картины плача, тоски пострадавшаго о похищенномъ добрѣ, то вы уже много сдѣлаете при достиженіи намѣченной цѣли. Наконецъ, можно дѣтямъ по затронотому

вопросу кое что почитать. Капля долбитъ камень, такъ и частое напоминаніе дѣтямъ о неприкосновенности чужой собственности можетъ приучить ихъ не обнаруживать посягательствъ на чужое имущество, а всегда довольствоваться собственнымъ достояніемъ. Напоминайте чаще дѣтямъ, что каждому человѣку, согласно съ словомъ Божиимъ, необходимо жить своимъ трудомъ, и дѣти привыкнуть въ нуждѣ прибѣгать не къ хищничеству, какъ нынѣ принято, а къ болѣе усиленному труду, къ отысканію болѣе доходныхъ заработковъ.

Свящ. Іоаннъ Молебновъ.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Изъ недавняго прошлаго.

(Воспоминанія учителя церковно-приходской школы).

Не забыть мнѣ того сѣраго, но теплаго іюньскаго дня, который былъ рубежемъ, отдѣляющимъ спокойную школьную жизнь отъ невѣдомой трудовой доли. Небольшими группами бродили мы подъ зеленѣющимъ шатромъ семинарскаго сада, чутко прислушиваясь къ благовѣсту предъ прощальнымъ молебномъ. Лица большинства изъ насъ были задумчивы, разговоры тихіе, душевные, веселый голосъ и смѣхъ юности смолкли и какъ бы притаились гдѣ то въ глубинѣ души. Звонко полились въ тишинѣ сада тоненькіе звуки небольшаго колокола, и мы вереницею потянулись къ храму. Начался молебенъ. Въ храмѣ, кромѣ насъ—кончалыхъ, почти никого не было, но пѣли необычно дружно, съ замѣтнымъ воодушевленіемъ; на многихъ лицахъ

свѣтилась искренняя молитва: мы сознавали важность наступившихъ минутъ. Часъ прощальный сказывался во всемъ: такъ еще недавно мы полны были радостнаго ожиданія окончанія курса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свободы, самостоятельности, теперь же такъ стало жаль воспитавшую насъ семинарію, таково ужъ свойство сердца человѣческаго: все, съ чѣмъ оно сжилося, къ чему привыкло, особенно дорого становится въ прощальныя минуты. Въ концѣ молебна нашъ добрый о. Ректоръ сказалъ намъ напутственное слово. Тотъ годъ былъ годомъ празднованія девятисотлѣтія крещенія Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ рожденія церковно-приходскихъ школъ и о. Ректоръ ярко нарисовалъ святой образъ Просвѣтителя Руси, и душевно желалъ и намъ пойти по свѣтлой

тропѣ труда во имя просвѣщенія народнаго. Задушевное живое слово навѣвало на насъ сильное бодрое впечатлѣніе, волна возвышенныхъ мыслей и добрыхъ чувствъ поднималась въ душѣ, а на мою дальнѣйшую участь оно имѣло просто таки рѣшающее значеніе. Росъ я въ одномъ тихомъ уютномъ погостѣ, своимъ безмятежіемъ и чарующими красотами природы такъ располагающемъ полюбить сельскую жизнь съ ея скромными трудами. Родитель мой, теперь уже умершій, простой добрый священникъ, умѣвшій жить среди народа и любимый имъ, также своимъ примѣромъ располагалъ къ труду среди народа и природы. Но успѣшное окончаніе курса, настойчивые совѣты родныхъ, знакомыхъ, даже нѣкоторыхъ преподавателей продолжить образованіе, не оставиваться, что называется, на полпути, колебали меня въ моемъ намѣреніи служить деревнѣ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ рѣчи о Ректора дѣло народнаго просвѣщенія въ духѣ равноапостольнаго князя мнѣ обрисовывалось такимъ свѣтлымъ, высокимъ, что я, болѣе не задумываясь, рѣшилъ въ душѣ отдаться именно ему.

Кончился молебень, а за нимъ и актъ, произнесены рѣчи, прочтены списки, мы оживились, почувствовали себя уже не школьниками, а людьми самостоятельными, многие такъ радостно смотрѣли въ таинственную даль будущаго, но увы не всѣмъ-то оно улыбнулось...

Шумно протекли въ столовой за обѣдомъ и чаемъ послѣдніе 2—3 часа. Мы попрощались другъ съ другомъ. Всѣ такъ были искренни, доброжелательны, прощанье было истинно братское. Передъ отъѣздомъ я зашелъ къ о. Ректору выразить ему свое желаніе послужить въ одной изъ юныхъ цер-

ковно-приходскихъ школъ, онъ же былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ самому подыскать себѣ школу по вкусу. Путь мой жизненный такимъ образомъ опредѣлялся, не было нужды мыслямъ раскидываться за поисками какого либо общественнаго дѣла, дѣло живое, великое стояло предо мною, ждало меня, манило къ себѣ мои силы... Въ послѣдній разъ я оглянулся на высокое зданіе семинаріи и послалъ ей искреннее спасибо. Кто что ни толкуй про воспитаніе и образованіе семинарское, какъ не критикуй его, а справедливость требуетъ отдать благодарность школѣ, положившей въ насъ твердый, нравственный фундаментъ, на которомъ всякій желающій можетъ успѣшно продолжить самообразованіе и самовоспитаніе. Цѣли жизни указаны ясно, умственное развитіе въ извѣстной степени дано, отъ разныхъ увлеченій въ опасную пору юности человѣкъ убереженъ—остается трудиться... А при настойчивомъ трудѣ можно стать всякому семинаристу полезнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ.

Я поспѣшилъ порадовать родителя, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго въ своемъ одиночествѣ моего окончанія. Быстро громыхалъ поѣздъ. Бесело было посматривать изъ окна вагона на мелькающія окрестности, одѣтые лѣтнимъ уборомъ... Вотъ и станція. Но до моего роднаго погоста оставалось еще 35 верстъ, и проходить это разстояніе на каникулы пѣшкомъ во всѣ годы ученія доставляло мнѣ большое удовольствіе: вырвешься изъ душнаго города и среди деревенскаго приволя такъ чувствуешь себя славно. До ближайшаго уѣзднаго города верстъ 10 мы шли четверо; одинъ намѣревался держать въ академію, и какъ бы съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на насъ, обрывающихъ путь ученья, чтобы своро-

тять на скромную, трудовую, жизненную дорогу. Другой уже имѣлъ избранницу сердца, готовился занять мѣсто отца ея,—священствовать. Этотъ казался жизнерадостнѣе насъ всѣхъ, почти всю дорогу безъ умолку дѣлился съ нами планами, мечтаніями относительно своей близкой священнической дѣятельности и семейной жизни. Какъ бы хотѣлось узнать: сбылись ли его жизнерадостныя ожиданія, исполнились ли добрые планы и намѣренія? Третій, не задаваясь ничѣмъ особеннымъ, жаждалъ поскорѣе добиться хорошенькаго псаломщическаго мѣста въ столицѣ, чтобы имѣть возможность помогать бѣдному семейному отцу. Въ городѣ мы распрощались и я въ одиночествѣ зашагалъ оставшіеся мнѣ 25 верствъ. День былъ ясный, тихій, воздухъ какъ-то особенно прозраченъ, зелень лѣсовъ такъ и отливала въ немъ изумрудомъ. Въ голубой выси безоблачнаго неба на перебой заливались жаворонки, на горизонтѣ то показывались сельскія церкви, то утопали въ зелени усадебъ, заслонялись рощами, пригорками, рожь плавно волновалась отъ чуть замѣтнаго вѣтерка, попадались небольшія деревеньки съ толпою дѣтишекъ у околицъ, съ тишиною и безлюдіемъ на улицахъ. Кое гдѣ уже начинался сѣнокосъ. Чѣмъ то роднымъ, привязывающимъ вѣяло отъ этихъ давно знакомыхъ, но вѣчно милыхъ картинъ. Хотѣлось слиться съ этой кроткой природой, такъ щедро разливающей вокругъ свои красоты, съ этимъ простымъ, трудящимся народомъ, пріютиться, гдѣ нибудь, близъ храма Божьяго и трудъ на пользу просвѣщенія смѣнять заслуженнымъ отдыхомъ среди природы, изъ ея мирныхъ картинъ черпать бодрость, жизнерадостность. Пусть это настроеніе было плодомъ воз-

бужденнаго воображенія юности, радужные сны, мечты, но такія свѣтлыя мгновенія не пропадаютъ напрасно: онѣ оставляютъ въ душѣ глубокой, добрый слѣдъ...

Незамѣтно добрель я до родныхъ мѣстъ. Вотъ высокій храмъ, опоясанный зеленью садовъ, а около него родительскій домикъ. Вечеръ уже дышалъ прохладой, когда я вступилъ на его порогъ. Радостная встрѣча съ отцемъ, долгіе, долгіе разговоры... Пѣтухи уже пропѣли нѣсколько разъ, востокъ окрасился яркими полосами зари, тогда только мы смолкли и разошлись. Наконецъ, подъ тихое наигрываніе пастушьяго рожка я забылся крѣпкимъ сномъ.

Быстро протекли 2 мѣсяца, Августъ былъ на исходѣ. Крестьяне работали во всю, пора и намъ за дѣло. Помолились мы съ родителемъ Богу въ храмѣ и, напутствуемый его благословеніями, а также добрыми пожеланіями одессельцевъ, я тронулся въ путь искать подходящую школу. Случайно встрѣтившійся священникъ указалъ мнѣ на одну при довольно многолюдномъ селѣ; не задумываясь я отправился осмотрѣть будущій пріютъ своихъ трудовъ. Стоялъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ августовскихъ дней, которымъ, какъ бы прощальною ласковою улыбкой, дарить утекающее лѣто, когда я подходилъ къ расположенному въ обширной котловинѣ большому селу съ высокимъ храмомъ. На улицѣ замѣтно было прадничное оживленіе: оказалось, здѣсь былъ 2-й день храмового праздника. Робко я направился къ дому священника. Вереница дѣтей, точно почувявъ во мнѣ своего будущаго наставника, съ любопытствомъ оглядывала меня. У иныхъ были такіе свѣтленькіе глазенки, такія умныя личики,—такъ и по-

тянуло меня къ этимъ малышамъ, захотѣлось поскорѣе очутиться среди нихъ за работою. Въ домѣ батюшки я былъ принятъ весьма радушно. Много приходится слышать, а иногда и читать нападокъ и даже каррикатуръ на наше сельское духовенство... Оставимъ на совѣсти рассказчиковъ и авторовъ справедливость этихъ обвиненій, но въ свою очередь смѣло скажемъ, что привѣтливость, душевная простота—лучшее украшеніе семействъ духовенства: ихъ можно наблюдать почти вездѣ. Не говоря уже о сытномъ, хотя бы самомъ неприхотливомъ угощеніи, случайнаго путника-незнакомца здѣсь ожидаетъ привѣтливость и непринужденность. Безхитростно, прямодушно живутъ еще многіе скромные пастыри подъ сѣнію храмовъ, проникнутые былымъ симпатичнымъ „словенскимъ“ гостепріимствомъ. Центромъ тяжести моихъ желаній и помысленій была школа и не безъ нѣкотораго трепета взглянулъ я на длинное, невысокое зданіе, обсаженное молоденькими тополями. Вы, можетъ быть, благосклонный читатель, улыбнетесь на эти строки и скажете по моему адресу: точно къ святилищу какому подходилъ... Да, въ пору болѣе зрѣлую, послѣ того какъ порядочно потрепешься на путяхъ-то жизненныхъ, поустарѣешь сердцемъ, притупишь впечатлительность, правда, смѣшнымъ, или, по крайней мѣрѣ, преувеличеннымъ можетъ показаться какое то особенное чувство въ виду заурядной сельской школы, но въ 20 лѣтъ, прямо со школьнаго порога, и передъ простой школой, въ которой суждено начать трудовую жизнь, и которая положить въ юной душѣ соотвѣтствующую, неизгладимую печать, естественно испытать нѣкоторое душевное волненіе. Школьное зданіе въ общемъ произвело на меня пріятное

впечатленіе: оно сулило довольно удобную теплую квартиру, отдѣленный теплымъ же карридоромъ просторный классъ, правда низковатый и плохо вентилированный, но въ такія тонкости вникать мнѣ тогда и въ голову не приходило. Между тѣмъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ школа была сравнительно благоустроенная, находилась при большомъ селѣ, а это обстоятельство, какъ нельзя лучше, благопріятствовало намъ затаеннымъ намѣреніямъ начать современемъ религіозно-нравственныя чтенія для народа. Не далеко за школою широкой лентою извивалась полноводная рѣка, а за рѣкою по горѣ тянулся лѣсокъ, нѣжно прильнувшій къ обширному старинному, барскому саду. Окрестности вполне соотвѣтствовали моимъ вкусамъ, и нравственныя условія жизни здѣсь казались мнѣ благопріятными: священникъ, какъ человѣкъ дѣловой, любящій трудиться, на школу смотрѣлъ серьезно, къ тому же она была его дѣтищемъ. Словомъ, я въ душѣ порѣшилъ не искать другой школы, лишь бы было согласіе священника на мое поступленіе сюда. Но тутъ встрѣтилось, было, нѣкоторое препятствіе: священникъ, согласно духу и правиламъ церковной школы, желалъ, чтобы дѣти обучались пѣнію, и участвовали въ Богослуженіи, но я, къ глубокому моему прискорбію, не только не могъ обучать пѣнію другихъ, но и самъ-то не въ состояніи былъ сколько нибудь правильно пѣть. Еще въ духовномъ училищѣ учитель пѣнія, видно не найдя во мнѣ способностей къ этому искусству, велѣлъ мнѣ на урокахъ пѣнія безмолвствовать, чему я тогда безропотно покорился, въ семинаріи же этотъ предметъ у насъ почему то прямо-таки былъ заброшенъ; назначался, правда, часъ въ недѣлю на урокъ пѣнія, но пѣли обык-

новенно очень немногіе, остальные— кто читаль книгу, кто училъ урокъ, а иные просто на просто мирно бесѣдовали—въ ту пору не сознавалось нами, какимъ прекраснымъ искусствомъ пренебрегаемъ, а теперь при запросахъ дѣйствительной службы на это искусство я горько пожалѣль, что не владѣю имъ.

Дѣлать, однако, было нечего, законность требованій священника я сознавалъ, а потому приуныль, собирался даже откланяться и поискать другую школу, но батюшкѣ видно жаль меня стало, онъ изъявилъ согласіе ходатайствовать о моемъ назначеніи въ школу съ освобожденіемъ меня отъ обязанности обучать пѣнію, и, такимъ образомъ, въ тихій августовскій вечерокъ подь сѣнію молоденькихъ липокъ и подь шумокъ самовара, гостеприимно пріютившагося въ повитой дикимъ виногра-

домъ бесѣдкѣ, рѣшилась моя участь. Съ облегченнымъ сердцемъ поѣхаль я домой за своимъ тощимъ багажемъ, съ недѣлку пожилъ на родинѣ, всесторонне обдумывая во время безконечныхъ прогулокъ по роднымъ мѣстамъ планы занятій и рисуя себѣ образъ предстоящей учительской жизни.

Въ одинъ же сентябрьскій вечеръ, когда осень уже начинала одѣвать окрестности непроницаемымъ сумракомъ и поливать ихъ непрерывнымъ дождемъ, я прибыль снова на мѣсто своего служенія. Родитель былъ такъ добръ, что, не смотря на разстояніе въ 50 верстъ, проводилъ меня, и, благодаря его обществу, первый вечеръ въ своемъ новомъ жилищѣ я провелъ бодро и пріятно.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. В. Востоновъ.

На учительскихъ курсахъ.

(Замѣтки и впечатлѣнія учителя).

Мнѣ улыбнулось счастье: я назначень на курсы въ г. Умань, гдѣ буду слушать лекціи по главнѣйшимъ отраслямъ сельскаго хозяйства—огородничеству и плодоводству...

На другой день радостное майское утро встрѣтило меня быстро шагавшаго къ ближайшей желѣзнодорожной станціи. Линія желѣзной дороги проходитъ въ нашей мѣстности лѣсомъ. Я шель вдоль линіи. По обѣимъ сторонамъ дороги, въ своемъ пышномъ весеннемъ уборѣ, стояли деревья, красиво склонивъ другъ ко другу зеленныя верхушки, какъ-бы привѣтствуя чудное Божіе утро, свѣтъ и тепло цая—солнышка... Изъ травы, густо раз-

росшейся по обѣимъ сторонамъ дороги, пестрѣли ландыши, колокольчики, незабудки, васильки, лѣсныя фіалки, высились лапчатые листья папоротника... Изъ глубины лѣса вѣяло лѣсной прохладой и задумчивой полной нѣги и сладкихъ грезъ, благоухающей тишью... Все дышало радостью; все, казалось, улыбалось мнѣ привѣтливой улыбкой и шептало съ любовью: „Съ Богомъ—въ путь!“... Какъ легко было на сердцѣ!.. Въ каждой былинкѣ чувствовалось что-то высшее, неземное... Невольно вспоминались золотыя строки Никитинскаго стихотворенія:

„Здѣсь—мать моя, другъ и наставникъ—
природа...

И кажется жизнь мнѣ свѣтлѣй впереди,

Когда къ своей мощной, широкой груди
Она, какъ младенца, меня допускаетъ
И часть своей силы мнѣ въ душу влива-
етъ“...

Но вотъ и станція. Скоро, шипя и
громыхая по рельсамъ, подошелъ по-
ѣздъ—и черезъ пять минутъ двинулся
дальше въ путь. Быстро мелькали въ
окнахъ лѣсныя просѣки, потомъ от-
крылись обширныя пространства по-
лей, заблѣли церкви на возвышеніяхъ,
среди тѣсно обступившихъ ихъ бѣлень-
кихъ хатокъ, заалѣли на утреннемъ
солнцѣ святыя кресты церквей...

Я ѣхалъ цѣлый день... Голова уста-
ла отъ множества новыхъ впечатлѣній...
Клонить ко сну... Солнце медленно
опустилось за горизонтъ и на поляхъ
трепеталъ розовый отблескъ... Надви-
гался вечеръ... Въ вагонѣ евреи горя-
чо оспаривали какого-то великоросса
въ длинной синей поддевкѣ, вѣроят-
но—мелкаго торговца или подрядчика,
дружно доказывая ему свои претен-
зіи на „равноправіе“ и „самоуправле-
ніе“...—„Мы вносимъ налоги, какъ и
русскіе! — кричали тощіе сыны Изра-
иля, нервно вздергивая руками.—Вы
должны дать намъ равноправіе“...—
„Равноправіе... Хе, хе, хе!..—подсмѣи-
вался человекъ въ поддевкѣ:—а отъ
войны кто отлыниваетъ, а? Вы, дескать,
расплачивайтесь тамъ своей спиной,
а если ваша возьметъ, то и мы тогда
поѣдемъ на Дальній востокъ... нагрѣть
руки... Хе, хе, хе!.. Нѣтъ, братцы,—ужь
если равноправіе,—такъ не отлынивай,
а проливай кровь, какъ и другіе про-
чіе... А не то—вотъ!“—и онъ показалъ
евреямъ здоровенный кулакъ, и по-
трясъ имъ въ воздухъ... Евреи про-
тивники невольно посторонились... Я
попробовалъ помирить враждующихъ,
но на всѣ мои доводы въ пользу ев-
реевъ человекъ въ поддевкѣ лишь
добродушно улыбался и говорилъ:

„жидъ мастеръ брехать... Вы ему не
вѣрьте... Онъ душу вытянетъ, а потомъ
и продастъ ни за грошъ. Совѣсти въ
ѣмъ нѣтъ,—вотъ что!“...

Вотъ и Умань... Съ дебаркадера
виднѣлся городъ. Онъ когда-то иг-
ралъ видную роль въ исторіи Мало-
россіи, невольно вспоминались крова-
выя картины Уманской рѣзни, всплы-
вали въ воображеніи суровые образы
Желѣзняка и Гонты... Приѣхалъ и
устроился вблизи курсовъ...

На другой день былъ молебенъ. Всѣ
курсисты на лицо. Въ надеждѣ встрѣ-
тить знакомаго, я тщетно всматривал-
ся въ лица курсистовъ. Есть учителя
министерскихъ, земскихъ и церковно-
приходскихъ школъ. Сейчасъ-же за-
мѣтно, что это—разношерстная, ни-
чѣмъ общимъ пока не связанная тол-
па. Церковные учителя—все больше
бѣдно—одѣтые молодые люди, а то и
просто—въ русскихъ ситцевыхъ руба-
хахъ. Идя въ церковь, они набожно
крестились и становились у клироса,
чтобы принять участіе въ церковномъ
пѣніи и чтеніи... Земцы шли съ гор-
доподнятыми головами, держа одной
рукой за спиной свои форменныя, съ
кокардами фуражки, а другою—борть
тужурки... Послѣ молебна священникъ
произнесъ рѣчь, въ коей развивалъ
ту мысль, что земледѣльческій трудъ—
благословенный трудъ; въ немъ—осно-
ва благосостоянія народнаго... Приняв-
ши благословеніе отъ служителя Божія,
всѣ направились къ выходу...
Занятія идутъ... Работа кипитъ... Вре-
мя вообще бѣжить быстро, и тутъ за
живой, увлекательной работой неза-
мѣтно промелькнуло $\frac{1}{2}$ мѣсяца. Кур-
сы много дали тому, кто трудился серь-
езно. Предо мною постепенно откры-
вался цѣлый міръ разумнаго, благо-
дарваго труда, и я очень сожалѣлъ,
что курсы окончились такъ скоро...

При Уманской земледѣльческой школь находится знаменитый Царицынъ садъ. Это—одно изъ чудесъ свѣта. Здѣсь собрано все, что есть самаго прекраснаго и восхитительнаго въ природѣ Малороссіи. И все это украшено и устроено искусствомъ человѣка... Преданіе говоритъ, что нѣкогда тутъ было пустое мѣсто. И вотъ—по прихотливому капризу польскаго магната, графа Потоцкаго, владѣвшаго въ крѣпостническія времена чуть не третью нынѣшней Подольской и Кіевской губ., на мѣстѣ бывшей пустыни въ два года выросъ чудный паркъ... Даже не вѣрится что-то... Въ 60-тыхъ годахъ Умань была конфискована...

Въ паркѣ есть колонна—памятникъ Императору Николаю I-ому. Онъ красуется на правомъ высококомъ берегу рѣчки, съ котораго открывается чудесный видъ на весь садъ, съ его роскошными аллеями и цвѣтниками, съ красивой извиистой лентой рѣчки, купающейся въ зелени деревьевъ. Здѣсь послѣ занятій обыкновенно собираются курейсты. Колонка была всегдашней свидѣтельницей нашихъ долгихъ споровъ. Спорили все больше о школь, о расширеніи программъ начальной школы, со внесеніемъ въ нихъ исторіи и географіи Россіи... Большинство того мнѣнія, что наиболѣе желательный типъ однокласной церковно-приходской школы—четырёхгодичной, съ двумя учащими по плану знаменитой Татевской школы С. А. Рачинскаго. Дай Богъ! Родинѣ такъ нужны яркіе свѣтильники—школы, хорошіе, честные работники на нивѣ Божіей, работники въ духъ и завѣтахъ св. вѣры православной! Жизнь усложняется, повышаются требованія къ школь и учителю,—нельзя стоять на мѣстѣ, нужно приспособляться къ условіямъ живой, кипящей избыткомъ творческихъ

силъ дѣйствительности... Многіе жалуются на о. завѣдывающихъ школами... Нѣкоторые изъ нихъ мало или совсѣмъ даже не интересуются школьнымъ дѣломъ, и только давятъ учителей своимъ авторитетомъ, мѣшаютъ имъ работать, проявлять личную инициативу въ Божьемъ дѣлѣ... Другіе указывали на яркіе примѣры добрыхъ пастырей—трудниковъ, душу свою вкладывающихъ въ великое дѣло Божіе, дорожащихъ, какъ жемчужиной, дѣльвымъ, работающимъ учителемъ... Всѣ надѣются, что горячая волна церковно-школьнаго одушевленія захлестнетъ и увлечетъ за собою и косныхъ и отсталыхъ... Я захватилъ съ собой изъ дому нѣсколько книжекъ „Божіей Нивы“. Удивляются, что до сихъ поръ не знали о существованіи этого журнала, на страницахъ котораго много жизненной правды и любви къ школьному дѣлу... Многія передовицы, дневники и статьи мы перечитывали по нѣскольку разъ... „Батюшки,—жалуются учителя,—не дають намъ читать епархіальныхъ вѣдомостей, гдѣ помѣщается много объявленій о различныхъ изданіяхъ. Знали-бы,—давно-бы выписали, и сами бы перекинулись здѣсь словомъ—двумя съ товарищами по школь... Намъ надо идейно сплотиться... Теперь сила—въ общеніи и взаимодѣйствіи. Всѣ, даже чуждые и враждебные намъ элементы, дружно сплываются,—нельзя и намъ оставаться разобщенными въ идейномъ смыслѣ... Врагъ не дремлетъ...“

„Земцы“ смотрятъ на насъ свысока и держатся въ сторонѣ... Троицынъ день... Послѣ богослуженія, по обыкновению, мы собрались у колонны. Общей бесѣды у насъ не было. Полтавецъ—Иванъ Галушка, поглядѣвъ на дальніе луга, задумчиво произнесъ: „а у насъ дома десь пэвне кинчается ко-

совыця“... Кіевлянинъ—Артемъ бойко—иронически усмѣхнулся: „мерщій жныва будуть, а винь зажурывся, що косовыця мынула“...

Въ это время къ намъ подеѣль фриватоватый „земецъ“... Подошли и еще нѣкоторые изъ „свѣтскихъ“... Слово по слову—завязалась бесѣда. „Земцы“ не преминули тотчасъ-же выставить на видъ „преимущества“ своего положенія въ школѣ.—„У насъ, батенька, дѣло не такъ поставлено, какъ у васъ, — ораторствовалъ одинъ изъ нихъ.—Въ школѣ я—хозяинъ; я самъ себѣ—все! А у васъ батюшка—все! Добро-бы такой, что интересуется дѣломъ, а то въ большинствѣ случаевъ все—неучи въ педагогическомъ дѣлѣ, люди простые, огрубѣвшіе отъ безвыѣздной жизни въ средѣ мужиковъ... И изволь-ка подчиняйся такимъ!.. Нѣтъ, у насъ куда лучше!“...—Одинъ изъ моихъ товарищей по церковной школѣ, Подолянннъ, замѣтилъ, что „земецъ“ преувеличиваетъ. Многие батюшки—развивалъ онъ свою мысль далеко не уступая въ педагогической подготовкѣ любому земскому или министерскому учителю, и, кромѣ того, владѣютъ главнѣйшимъ въ мнрѣ знаніемъ, знаніемъ богословскимъ... — Нашъ народъ больше самой жизни дорожить именно *религіознымъ* знаніемъ, знаніемъ и благоговѣйнымъ вѣдѣніемъ вѣковѣчной правды жизни, просвѣщеніемъ въ духѣ церковной истины,—и только слѣпой этого не видитъ, только очерствѣвшій сердцемъ этого не чувствуетъ... А разъ это такъ, то преобладающее значеніе духовенства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія дѣлается необходимымъ и яснымъ, какъ Божіе утро... Для прочнаго, широкаго развитія святаго дѣла просвѣщенія народа въ духѣ и завѣтахъ св. вѣры православной желательна, конечно, обезпеченіе учителя—

труженика церковной школы, огражденіе его отъ всяческаго произвола не однихъ лишь недостойныхъ пастырей, но и всѣхъ темныхъ силъ въ приходѣ... Остальное придетъ само собою... Главное, вѣковѣчное преимущество церковной школы передъ всѣми иными начальными школами есть то, что она, минуя мелочные, чисто—житейскіе интересы людей, *ищетъ прежде всего Царствія Божія и правды его*, ведетъ своихъ питомцевъ въ храмъ Божій, знакомитъ ихъ со святѣйшими думами и чувствами лучшихъ образцовъ хрістіанства; содѣлываетъ ихъ и „нивой Божіей“, и „храмомъ Духа Живаго“; *все-же остальное приложится*.—Воспитанный въ высокой нравственности народъ и здѣсь, на землѣ, устроится по Божьи, справедливо, безъ обиды... А лучшія изъ свѣтскихъ школъ лишь „культивируютъ“ умъ, т. е. создаютъ одностороннихъ уроковъ, такъ какъ челоувѣкъ не въ одномъ умѣ состоитъ, но обладаетъ также и волей, и чувствомъ... Никто не споритъ—умъ великая сила, и церковная школа не отказываетъ ему въ необходимомъ развитіи; но все—таже—церковная школа *народитъ* въ прямомъ, подлинномъ смыслѣ слова, чѣмъ всѣ другія начальныя школы въ Россіи... Въ этомъ не трудно убѣдиться всякому безпристрастному наблюдателю дѣйствительной жизни... Въ заключеніе землякъ прочелъ „земцамъ“ одну изъ статей моего бывшаго учителя—друга, подъ заглавіемъ: „Школьная метаморфоза“ („Божія Нива“, № 37). По прочтеніи статьи „земцы“ долго молчали...—„Да, я самъ знаю такой случай,“—сказалъ одинъ изъ нихъ смущенно. Въ этотъ вечеръ мы долго братски бесѣдовали у мраморной колонны, на высокомъ берегу рѣки... Прочли нѣсколько школьныхъ замѣтокъ покойнаго ве-

ликаго борца за церковную школу, С. А. Рачинскаго, мѣнялись своими школьными впечатлѣніями, строили планы лучшаго будущаго...

На прощаніи одинъ изъ земскихъ учителей, молодой человекъ съ честнымъ открытымъ лицомъ, сказалъ намъ:—„Дá, господа,—вы, правы: современемъ ваша школа выйдетъ побѣдительницей... Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ: она несетъ въ народъ самое дорогое, самое святое, самое нужное—Божію правду, свѣтъ Христовъ, истину Евангельскую... Какъ-же не любить такую школу, какъ-же не дорожить ею?

Я по личному опыту знаю, что любить народъ, къ чему рвется его душа, молодая, полная силъ, христіански воспитанная, но не пришедшая еще „въ мѣру возраста Христова“... Церковная школа прямо и непосредственно удовлетворяетъ самыя назрѣвшія, самыя существеннѣйшія потребности народной жизни... И народъ это знаетъ и чувствуетъ... Скоро онъ скажетъ ей свое властное спасибо за дорогую, святую работу... Да, народъ любитъ церковную школу... А народъ—сила!“...

Учитель А. Яновичъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

9 Ноября. Людямъ невѣрующимъ въ Бога и загробную жизнь, все, описанное мною въ прошлый разъ, покажется смѣшнымъ и недостойнымъ вниманія, но я тысячу разъ готовъ повторить, не взирая ни на какія улыбки того, кому доведется читать эти строки, что Богъ и загробный міръ есть, что въ душѣ нашей таятся такія неизслѣдимыя бездны стремленія къ своему вѣчному отечеству—небесамъ, что ихъ ни высказать, ни описать, даже ни вообразить невозможно, что то настроеніе души, какое она чувствуетъ, будучи невинна и близка къ своему первоисточнику-Богу, не поддается человѣческому воображенію.

Подобное состояніе души суть такая неизъяснимая радость, предъ которой наши земныя радости, какъ бы ни были онѣ велики, до того мизерны, темны и ничтожны, что отъ той радости отличаются, какъ безпросвѣтная ночь отъ сіяющихъ лучей солнца.

Великое дѣло совершить та мать, или отецъ, или другое близкое лицо

дитяти, которое воспитываетъ его душу съ самаго ранняго возраста благочестивыми, хотя и простыми, рассказами религіознаго характера въ связи съ ученіемъ о существованіи Творца міра и загробной жизни. Особенно глубоко западаютъ эти рассказы въ впечатлительную душу младенца тогда, когда родное лицо держитъ его на своихъ рукахъ подъ открытымъ небеснымъ шатромъ, усѣяннымъ многочисленными звѣздами, тихою лѣтнею ночью, когда вся природа спитъ, и никакой посторонній звукъ не развлекаетъ уха малютки. Я увѣренъ, что каждое дитя привыкнетъ къ этимъ рассказамъ, полюбитъ и будетъ жаждалъ ихъ, сохранить до гроба въ своей душѣ, какъ сущность ихъ содержанія, такъ и торжественную красу окружающей природы, будетъ повторять ихъ своимъ дѣтскимъ лепетомъ, проявляя чувство благоговѣнія и къ Богу и къ великолѣпію окружающей природы: это святое чувство внимательный наблюдатель замѣтитъ и въ блескѣ дѣтскихъ глазокъ, и въ біеніи сердечка младенца

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 51.

и въ движеніи его ручекъ. Увидитъ онъ, какъ дитя, произнося слово „Богъ“, внимательно взглянетъ въ свѣтящійся мириадами звѣздъ обширный небесный сводъ, затаитъ дыханіе, молча, положить въ ротъ пальчикъ и на минуту задумается. Затѣмъ послышатся и соотвѣтствующіе данному моменту вопросы съ устъ любознательнаго дитяти. Отвѣты на нихъ малютка жадно будетъ ловить, не спуская глазокъ съ далекаго небосвода. Вотъ когда начнется истинное воспитаніе живой вѣры въ Бога и если сѣмена сего воспитанія будутъ удачно посѣяны въ душу ребенка, то благо сѣятелю: трудъ его благословится Всевышнимъ и принесетъ стократные плоды.

„Но съ ребенкомъ, который только что выучился кое-какъ лепетать, трудно бесѣдовать о такихъ возвышенныхъ и постигаемыхъ только вѣрою взрослою человѣка предметахъ, каковы—Богъ и загробный міръ. Съ чего начнешь разговоръ съ нимъ и что будешь ему рассказывать?“ пожалуй спроситъ меня тотъ, кому доведется читать эти строки. Отвѣчаю: разговоръ о семъ съ дитятей—вещь не трудная вовсе: вѣдь младенческая душа есть бездна чистой, искренней вѣры во все то, о чемъ вы ему (ребенку) будете говорить—чистой вѣры, говорю я, потому что этой вѣры еще не касалась и тѣнь сомнѣнія и невѣрія. Когда вы сообщите ребенку, что на небесахъ живетъ Богъ, онъ, вѣдь, не спроситъ васъ: „чѣмъ вы мнѣ это докажете?“ но повѣритъ чисто и искренно, что Богъ есть. Правда, ребенокъ можетъ предложить вамъ вопросъ: „а какой Онъ Богъ то?“ На это отвѣчайте только: Богъ—добрый; Онъ любитъ всѣхъ людей; посылаетъ на землю дождичекъ, родитъ хлѣбецъ намъ; Онъ же раститъ зеленую травку на лугахъ и цвѣточки. Вотъ и доста-

точенъ отвѣтъ. Изъ него дитя дѣлаетъ себѣ представленіе о Богѣ, какъ добромъ Существомъ, любящемъ все и обо всемъ промышляющемъ. Остальное же все о Богѣ дополнитъ школа. Теперь попробую обозначить и приблизительный планъ, по которому должно идти воспитаніе въ ребенкѣ религіознаго чувства.

Малютка сталъ владѣть собой. Время приучать его къ молитвѣ. Каждое утро и каждый вечеръ берите его на руки и становитесь съ нимъ предъ иконами. Пусть онъ смотритъ на вашу молитву, пусть запечатлѣваются въ его умѣ всѣ внѣшнія выраженія вашей молитвы. Когда ребенокъ станетъ вполне сознательно лепетать, то время уже знакомить его съ понятіями о Богѣ. Въ это время чаще и чаще знакомьте его сперва съ величіемъ и красотой неба: утромъ, въ полдень, вечеромъ, ночью, однимъ словомъ всегда, какъ только позволитъ вамъ время, несите его подъ открытый небесный шатеръ, указывайте на звѣздочки, луну, тучи, зорю, радугу и старайтесь въ это время заговорить съ нимъ примѣрно такъ:

— „А знаешь, N, кто зажегъ въ небѣ эти звѣздочки, кто велитъ свѣтить солнышку и мѣсяцу, кто посылаетъ тучи и дождь, кто велитъ этой хорошенькой радугѣ показываться въ тучѣ?“ Если со стороны ребенка послѣдуетъ молчаніе, то отвѣтите: „Богъ, N, Богъ“, и затѣмъ постарайтесь пояснить это слово, какъ я сказалъ выше. Тогда цѣль ваша можетъ считаться достигнутою: ребенокъ будетъ знать, что на небесахъ есть доброе, любящее все и управляющее всею Существомъ Богъ. Правда, понятія эти въ ребенкѣ будутъ весьма элементарны, но для его возраста пожалуй вполне достаточны.

Далѣ, по мѣрѣ развитія ребенка, можно перейти съ нимъ и къ знакомству его съ загробнымъ міромъ. Бесѣду о семъ полезно начинать съ разговора о близкихъ дитяти умершихъ родственниковъ. Вѣдь у каждаго почти ребенка найдутся младенцы: братъ, сестра и сверстники умершіе, которыхъ онъ, можетъ быть, помнитъ даже самъ.

— „Ты знаешь, N, гдѣ теперь твоя сестренка Л.“ спросите, напримѣръ, ребенка. Онъ, конечно, затруднится отвѣтить. Тогда ему нужно сказать, указывая на небо: „тамъ, дорогой, тамъ у Бога живетъ твоя маленькая сестрица. Ей хорошо тамъ. На небѣ нѣтъ, какъ у насъ, ни темныхъ ночей, ни холодной зимы, ни бурь, ни жары нѣтъ, но всегда веселый ясный день. Сестренка твоя живетъ тамъ вмѣстѣ съ ангелами, которые летаютъ на своихъ крылышкахъ по небу. Никогда тамъ она не плачетъ, никогда не бываетъ печальна, потомучто Самъ Господь заботится о ней; хорошо ей тамъ, такъ хорошо, какъ никто не можетъ жить у насъ на землѣ“.

— „А я когда нибудь увижу ее?“ можетъ предложить вопросъ ребенокъ, на который отвѣтить такъ:

— „Увидишь, дорогой, увидишь, если будешь молиться Богу.“

А какъ молиться ему—этому я тебя стану учить“. Я слышалъ, какъ нѣкоторые благочестивые родители учатъ маленькихъ дѣтей своихъ молиться. Правда, эта первоначальная молитва простенькая, на чисто-русскомъ языкѣ, сложенная, вѣроятно, самими же родителями, но она мнѣ очень понравилась и кажется вполне подходящею для дѣтей ранняго возраста.

Вотъ текстъ этой молитвы: Господи

помилуй меня младенца N, подаждь мнѣ жизнь, разумъ, здоровья и счастья, укажи путь истинной правды и сохрани отъ болѣзни и всякаго зла. Спаси, Господи, папу и маму, крестнаго, крестную и всѣхъ моихъ сродниковъ, подаждь имъ добраго здоровья. Упокой, Господи, души усопшихъ рабовъ твоихъ (имена), всѣхъ моихъ сродниковъ и всѣхъ православныхъ хрістіанъ и подаждь имъ, Господи, царствіе небесное. Благодарю Тебя, Господи, за прошедшую ночь (или день) и благослови меня на нынѣшній день (или на наступающую ночь) и подаждь его (или ее) тихій, мирный и покойный. Боже, милостивъ буди мнѣ младенцу N.“

По прочтеніи сей молитвы можно сдѣлать нѣкоторое поясненіе ребенку приблизительно такого рода: „вотъ, дорогой, когда ты молишься объ умершей сестренкѣ (или о другомъ лицѣ) и просишь Бога, чтобы онъ далъ ей царствіе небесное, то знай, что и о тебѣ она тамъ на небесахъ молится, чтобы Господь спасъ и сохранилъ тебя отъ всего дурнаго и нехорошаго на землѣ, чтобы Онъ, Милосердый, любилъ тебя и такъ же, какъ и ее, послѣ твоей смерти, взялъ тебя къ Себѣ на небо къ Своимъ ангеламъ, туда, гдѣ теперь живетъ наша Л.“

Это поясненіе дастъ ребенку нѣкоторое понятіе о томъ, что между живыми и умершими людьми есть связь, что по смерти можно надѣяться увидѣть дорогихъ лицъ тамъ, на небѣ и что все это достигается лишь молитвою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Учит. Е. Нуликовъ.

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

ЛП.

Маленькіе представители народа.—Ихъ голосъ по одному изъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ.—Нѣчто о воскресныхъ школахъ.

Жизнь нашей школы начинается проявлять отрадныя признаки того, что будущія поколѣнія народа, проходящія чрезъ нее, пріобрѣтутъ въ ней надлежащее развитіе для сознательнаго и плодотворнаго участія въ устроеніи счастья и благополучнѣйшаго преуспѣянія дорогой родины,—въ устроеніи, къ которому Государемъ призваны лучшіе ея представители.

Тѣ изъ этихъ представителей, которые явятся на созидательную Государственную работу отъ сыновъ нашей деревни, можно съ несомнѣнностію надѣяться, будутъ сынами той или другой деревенской школы, которою у многихъ изъ нихъ заканчивается вся ихъ грамотность. И хотя школа еще не успѣла, какъ слѣдуетъ, воспользоваться новою, выпавшею на ея долю, высокою задачею, однако, и въ настоящемъ своемъ строѣ она не оставляетъ своихъ питомцевъ безпомощными и совершенно неподготовленными къ новымъ условіямъ и задачамъ жизни.

Одинъ изъ утѣшительныхъ примѣровъ этого можно находить въ слѣдующей любопытной сценкѣ, приведенной въ Оренбургскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ.

23 Ноября прошлаго года въ старшемъ отдѣленіи церковно-приходской школы по началкамъ христіанскаго ученія объяснялся урокъ о таинствѣ священства. Читали текстъ учебника: „достоинно избранному чрезъ архіерейское рукоположеніе дается благодать“... Законоучитель объяснилъ, что въ прежнія времена выбирали обществомъ достойно, т. е. по совѣсти и внимательно, человѣка начитаннаго въ словѣ Божіемъ и благочестиваго, представляли его архіе-

рею и архіерей такого достойно избраннаго, по надлежащемъ испытаніи, рукополагалъ во священника или діакона. Въ настоящее время у насъ такого избранія обыкновенно не бываетъ, а самъ архіерей, по свидѣтельству не отъ избирателей, а отъ училища объ успѣхахъ въ наукахъ и поведеніи, или отъ благочиннаго и консисторіи о прохожденіи службы и по своему усмотрѣнію, рукополагаетъ въ священный санъ.

Объяснивши это, законоучитель спросилъ учениковъ: „что лучше: то ли, когда сами прихожане избираютъ извѣстнаго имъ человѣка и просятъ архіерея рукоположить его къ нимъ въ приходъ, или когда архіерей безъ выбора прихожанъ самъ назначаетъ и посылаетъ по свидѣтельству и по своему усмотрѣнію?“

— Лучше, когда архіерей самъ назначаетъ и посылаетъ,—послышался дружный отвѣтъ почти всѣхъ двѣнадцати учащихся.

— Почему же лучше?

— Архіерей лучше знаетъ, кого послать. Онъ лучше видитъ, кто стоитъ того.

— А прихожане развѣ не могутъ выбрать такого, который стоитъ?

— Кого же въ деревняхъ выбрать? У насъ такихъ нѣтъ,—отвѣчаютъ увѣренно школьники.

— Если нѣтъ, то на сторонѣ могутъ поискать достойнаго человѣка,—говоритъ законоучитель: имъ укажутъ ученыхъ къ тому людей съ хорошимъ поведеніемъ, и пусть изъ нихъ выбираютъ.

— Нѣтъ!—отвѣчаютъ ученики: какъ прихожане выберутъ, кто лучше? Опять не знаютъ. Лучше архіерею самому назначать.

— Ну, а если бы архіерей отказался самъ назначать, а предложилъ бы прихожанамъ, чтобы они сами подыскали достойнаго человѣка. Вѣдь выбираютъ же старосту, старшину. Можетъ быть, постарались бы для себя, нашли бы и выбрали такого, какого слѣдуетъ, достойнаго. Какъ думаете: поискали бы по совѣсти, по правдѣ?

— Нѣтъ!—рѣшительно заявляетъ сынъ сельскаго старосты.

— Почему же нѣтъ?

— На сходахъ у насъ много рѣшаютъ не по правдѣ. Тутъ водка...

Такъ ребята и порѣшили, что выборное начало на дѣлѣ будетъ хуже, чѣмъ определеніе самимъ архіереємъ священнослужителей.

Дѣти, конечно, не знали печальной практики, когда у насъ по временамъ примѣнялось избирательное начало; но отъ ихъ дѣтскаго наблюденія не могло ускользнуть то великое зло, которое наблюдается на сельскихъ сходахъ и притягиваетъ къ себѣ голоса избирателей. А на практикѣ въ недавнее время такъ много случаевъ, когда псаломщики и діаконы, желая получить санъ и мѣсто, являлись за приговоромъ и пользовались для его полученія извѣстной притягательной силой.

Избирательное начало, безъ сомнѣнія, достойный идеаль, которымъ пользовалась древняя Церковь, но—увы!—современность далеко отступила отъ этого идеала и достойному избранію склонна предпочесть всякіе мотивы, только не полное, внимательное безпристрастіе.

Если и въ первенствующей Церкви, когда служители Церкви избирались только по ихъ достоинствамъ, св. Апостолъ находилъ необходимымъ условіемъ избранія, чтобы избираемый имѣлъ *свидѣтельство отъ вѣншихъ* (Тим. III, 7), то въ настоящее время упадка религіозно-нравственной жизни тѣмъ настоятельнѣе это ограничительное условіе должно имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса объ участіи прихожанъ въ избраніи клира.

До исполнѣя достаточнаго удовлетворенія школы новымъ потребностямъ народа, конечно, еще очень далеко. Еще такъ недавно начавшая свою правильную дѣятельность, школа не успѣла озарить своимъ свѣтомъ цѣлыя поколѣнія взрослыхъ, не смотря даже на такое трудолюбіе свое и самопожертвованіе, какое она показала учрежденіемъ воскресныхъ занятій, отказывая себѣ въ необходимомъ праздничномъ отдыхѣ. Богъ видитъ и здѣсь, что школа не виновата въ томъ, что успѣхи этихъ занятій не вездѣ блестящи. Дѣло это выдвигаетъ массу трудностей, примѣръ чего можно видѣть въ исторіи одной изъ такихъ школъ. Когда пришло разрѣшеніе на открытіе воскресныхъ занятій, какъ всегда, священникъ объявилъ объ этомъ въ церкви народу, предварительно выяснивъ пользу грамоты вообще и отъ воскресной школы въ частности. Но крестьяне, должно быть, были глухи и нѣмы къ словамъ своего пастыря, такъ какъ никто не изволилъ придти въ этотъ день въ школу. Тогда учитель съ согласія священника самъ направился по домамъ жителей, чтобы воочию убѣждать ихъ посѣщать воскресную школу.

Это хожденіе по домамъ имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что около 40 чел. обоего пола (27 муж. и 13 жен.) записалось въ воскресную школу; большая половина этого числа были около 18-ти лѣтнаго возраста, а остальные дѣтскаго. Ученье съ воскресниками начато было въ воскресенье 7 ноября послѣ обѣдни. Изъ сорока человѣкъ записавшихся 7 не пришли. Воскресники раздѣлены были на 2 группы: на безграмотныхъ и немного умѣющихъ читать. Въ первой оказалось 23 чел., во второй 10. Послѣ предварительной бесѣды и знакомства съ воскресниками, розданы были имъ книги: I группѣ—буквари, а II—псалтири, молитвенники, книги Попова—годъ I для чтенія и русскіе счеты для упражненія въ счисленіи. Предъ окончаніемъ уроковъ учитель прочиталъ въ классѣ нѣсколько разсказовъ

изъ Троицкихъ листовъ, чѣмъ слушатели остались, повидимому, довольны, и около 4 часовъ воскресники разошлись по домамъ. Въ слѣдующее воскресеніе еще прибавилось новыхъ 5 чел.: 3 парня и 2 дѣвушки—невѣсты; но изъ посѣтившихъ уже школу 6 не явилось. Такъ продолжалось ученье до 13 марта—по программѣ для одноклассныхъ церк.-прих. школъ. Письменными принадлежностями воскресники пользовались бесплатно отъ Комитета попеч. о народн. трезвости, откуда также выдавалось и учащимъ по 1 р. 50 к. каждому за одинъ учебный день. Въ школъ занимались учитель и его жена. Къ сожалѣнью, нельзя не сказать, что успѣхи въ воскресной школъ были далеко незавидными вслѣдствіе весьма неаккуратнаго посѣщенія ея учащимися. Но и о тѣхъ, которые посѣщали школу, не ошибочно сказать, что они это дѣлали не потому, что жаждали грамоты, а совсѣмъ по другимъ соображеніямъ. Это подтверждается слѣдующимъ: во-первыхъ, въ числѣ воскресниковъ находились больше женихи да невѣсты, для коихъ школа стала пунктомъ свиданій, и если, напр., случалось—не пришли въ школу невѣсты,

то и жениховъ нѣтъ, а иногда такъ: приходитъ женихъ и еще въ корридорѣ справляется у товарищей о своей „маганѣ“, и если ея нѣтъ, онъ уходитъ обратно. Въ вторыхъ, учитель всегда давалъ воскресникамъ на домъ для чтенія книги изъ мѣстной бібліотеки, и вотъ многіе изъ нихъ придутъ въ воскресенье обмѣнять книгу, а на урокахъ не остаются. На вопросъ: почему?—слѣдуетъ отвѣтъ: „да мнѣ некогда“. Но дѣло въ томъ, что парню прямо-таки неохота сидѣть въ школъ, когда его товарищи гуляютъ на улицѣ.

Собственно говоря, и винить за это строго нельзя. Жизнь деревенская—жизнь трудовая, тяжелая, а и грамота дѣло слишкомъ не легкое, серьезное, чтобы можно было безъ усилія жертвовать для него немногими необходимыми часами праздничнаго отдыха. Гораздо легче для многихъ было бы среди будничныхъ дней пожертвовать нѣсколькими часами труда или отдыха и при помощи другихъ грамотныхъ и усердныхъ людей даже изъ своей же семьи—наверстать пропущенное дорогое время школьнаго возраста.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Мартъ 1906.

Одинъ западный богословъ Іоаннъ Жерсонъ, долго борючися съ злоупотребленіями католической церкви, видя бесплодность своей борьбы, написалъ задушевное сочиненіе „О передачѣ малютокъ Христу“. Понимая, какъ трудно пересоздать духовную настроенность взрослыхъ, онъ развилъ въ этомъ сочиненіи ту мысль, что дѣло религіозно-нравственнаго возрожденія должно быть начато съ дѣтей, чистыя сердца которыхъ еще не омрачены порокомъ.

Теперь, когда такъ много говорятъ о возрожденіи приходской жизни, труженики школъ—пастыри и учителя подрастающаго поколѣнія, казалось-бы, должны особенно дорожить чистою дѣтскою настроенностію. А эта-та дѣтская настроенность именно и находится теперь въ опасности. Правда,

учителя теперь не мало *безпокоятся*, но, къ прискорбію, лишь только *о себѣ*. Дѣтей совсѣмъ они забыли, пренебрегаютъ ими... И что, въ самомъ дѣлѣ, какъ не пренебреженіе интересами дѣтей, означаетъ то, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ,—о чемъ такъ часто сообщаетъ намъ періодическая печать,—насчитываются десятки и даже сотни учителей, которые, забывъ свой долгъ предъ подрастающимъ поколѣніемъ, выступили на арену политической борьбы... При этомъ вскрылись, конечно, и сокровенныя причины этой болѣзненной борьбы: всѣ жаждутъ свободы отъ контроля, всѣ домогаются какихъ-то правъ, всѣ думаютъ о личныхъ выгодахъ...

Правда, все это главнымъ образомъ нужно сказать объ учителяхъ земскихъ школъ,

которыя, въ большинствѣ случаевъ, пытаются быть общественными и, нужно замѣтить, сомнительными дѣльцами, а не честными дѣятелями народной школы...

Но, къ несчастію, и нѣкоторые изъ пастырей—этихъ ближайшихъ воспитателей дѣтей, забывъ о пастырскомъ душепопеченіи, отдають дань духу времени. По крайней мѣрѣ извѣстны случаи, какъ, на примѣръ, было это въ Харьковѣ, что „пастыри“ принимали дѣятельное участіе въ предосудительной политической агитаціи ¹⁾. Тою же непастырскою дѣятельностью отличаются и всѣ тѣ пастыри, которые, какъ иго, хотять сбросить съ себя священническое одѣяніе, освободиться отъ епископской опеки и добиться права на вторичное вступленіе въ бракъ—словомъ, которые хотять здѣсь на землѣ получить „вся благая“ вѣка сего... Появляются къ прискорбію въ послѣднее время и учителя, прививающіе церковной школѣ чуждый ей духъ и стремленія. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ послѣдній, особенно бурный, годъ были нерѣдки случаи недовольства церковно-приходской школой за то, что и въ ней появилось чуждое русскому народу вѣяніе.

Могутъ-ли такіе пастыри и наставники дѣтей взвысить свой авторитетъ, сдумѣютъ ли они возродить приходскую жизнь, пойдутъ-ли за ними ихъ пасомые, поведутъ ли они ихъ ко Христу?..

Нѣтъ, не о Христвѣ ихъ ревность. Забыта паства, забыта и душа пасомыхъ. Забыты дѣти, забыта и благородная и благодатная нива дѣтскихъ сердець...

¹⁾ Таковы, на примѣръ, Оо. Колегровъ, Филевскій, Шаповаловъ, Купленскій, Вознесенскій и др. См. объ этомъ въ „Колоколѣ“, 1906, № 51.

И какая-то невольная, невыносимая грусть закрадывается въ сердце, когда слышишь толки о возрожденіи приходской жизни и въ то-же время видишь, что пастыри и наставники дѣтей отвращають отъ нихъ свой взоръ, свою любовь, что они даже на канунѣ собора святителей не высказываются за пересмотръ и правильную постановку вопроса о церковной школѣ.

Остановимся-же, оглянемся на себя, на ближнихъ нашихъ, на молодое поколѣніе... Вѣдь пока оно еще идетъ за нами... Да не омрачится сердце наше позднимъ раскаяніемъ за то, что мы не сдумѣли вовремя сдѣлать изъ школы притворъ храма. Теперь наша школа еще не оторвана отъ Церкви, она еще не вырвана изъ подъ вліянія духовенства, она еще не перестаетъ служить притворомъ храма... Покажемъ-же себя достойными того высокаго дѣла, которое поручено пастырямъ и учителямъ церковныхъ школъ. Поработаемъ *дондеже день есть* и послужимъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ возрожденію приходской жизни. Поведемъ дѣтей, ввѣренныхъ нашему попеченію, ко Христу... Они идутъ, еще идутъ *пока* за нами...

Не забудемъ того, что если Церковь будетъ отстранена отъ школы, то ни возстановленіемъ патріаршества, о которомъ теперь такъ много говорятъ, ни умноженіемъ архіерейскихъ кафедръ она не сохранитъ своего вліянія на народъ и не дастъ приходской общинѣ достойныхъ членовъ. „Кто владѣеть школою, тотъ управляетъ и народомъ“—объ этой истинѣ всѣмъ очень хорошо извѣстно и ее особенно не нужно забывать теперь, когда такъ очевидно желаніе недоброжелателей Россіи отнять у Церкви школу.

СОДЕРЖАНІЕ: Изъ золотой поры дѣтства. Христосъ Воскресе!.. *Никола Епископа Серпуховскаго.*—Волпоющее зло. *Свящ. Иоанна Молебнова.*—Изъ учительскихъ дневниковъ. (Воспоминанія учителя церковно-приходской школы). *Свящ. В. Востокова.*—На учительскихъ курсахъ. (Замѣтки и впечатлѣнія учителя).—*Учит. А. Яновича.*—Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова.*—*Посѣвы и всходы.* Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.—*Нашъ дневникъ.*

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 40-я (пять статей).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Виенія. Марта 5 дня, 1906 года. Цензоръ, Ректоръ Виенской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вгльевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.
За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.